

8. Kozłowska, M. Dzieło wielkiego miłosierdzia Bożego / M. Kozłowska. Płock, 1927. Imprint, Felicjanów: Kościół Katolicki Mariawitów w RP, 2011. 321 p.
9. Liniewicz, Ł. Mariavitism: Mystical, Social, National / Ł. Liniewicz. Tilburg: Tilburg University, 2013. 41 p.
10. Matter, A. Apparitions of the Virgin Mary in the Late Twentieth Century: Apocalyptic, Representation, Politics / A. Matter // Rel. 2001. № 31. P. 125–153.
11. Maunder, C. Our Lady of the Nations: Apparitions of Mary in Twentieth-Century Catholic Europe / C. Maunder. Oxford: Oxford University Press, 2016. 219 p.
12. Montfort, L. A Treatise on the True Devotion to the Blessed Virgin / L. Montfort. London: Burns and Lambert, 1863. 193 p.
13. Mirek, A. Female Orders and Congregations in Poland in the 19th and 20th Centuries / A. Mirek // St. Geohist. Roczn. Hist-geog. 2017. № 5. P. 176–189.
14. Mistrzynie Ducha: w 150. rocznicę narodzin Mateczki – świętej Marii Franciszki Feliksy Kozłowskiej. T. 1. Felicjanów: Wydawnictwo Kościoła Katolickiego Mariawitów, 2012. 268 p.
15. Rządzik, Ł. Mariawityzm jako alternatywa dla Kościoła katolickiego / Ł. Rządzik // The P. J. of the Arts. and Cult. 2013. № 5. P. 49–59.
16. Swatos, W.H., Christiano, K.J. Secularization Theory: The Course of a Concept / W.H. Swatos, K.J. Christiano // Soc. of Rel. 2013. V. 60. № 3. P. 209–228.

Операционализация истории священства: к характеристике современной немецкоязычной историографии¹

А.И. Черный, свящ.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,

Москва, Россия

lexschwarz@gmail.com

В статье предпринимается попытка охарактеризовать 4 исторические «модели» священства, выявленные автором в современной немецкоязычной историографии. Эти модели условно обозначены в тексте как «новозаветная», «имперская», «традиционная» и «современная». По мнению автора, они возникают в связи со специфической риторикой о несоответствии современного священства новозаветным основаниям. Автор высказывает предположение, что классификация «моделей священства» строится на попытке современных исследователей преодолеть существующий ролевой кризис священства с помощью уточнения современного образа священника, способного стать убедительным в современном мире, путем отказа от одних «моделей» и продвижения других.

Ключевые слова: священник, модель священства, католическая церковь, кризис, немецкое богословие, риторика кризиса.

¹ Исследование проведено в рамках проекта Лаборатории исследований церковных институций (ПСТГУ) при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18–311–00336 «Риторика кризиса религии и ее отражение в философской и теологической мысли Германии XX века»).

Operationalization of the history of priesthood: an approach to understanding modern german historiography

Aleksey Chernyi, priest

*St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia*

The paper attempts to describe the 4 historical “models” of priesthood, traced by the author in modern historiography of the German-speaking area. These models are designated in the text as the «New Testament», the «imperial», the «traditional» and the «modern» models. According to the author, they arise in connection with the specific rhetoric that implies the incompatibility of the modern priesthood with the New Testament foundations. The author suggests that by using the «models of priesthood» modern researchers attempt to overcome the existing role crisis of priesthood by clarifying the modern image of a priest so that it becomes credible – abandoning some «models» and promoting others.

Keywords: *priest, priesthood model, the Catholic Church, crisis, German theology, crisis rhetoric.*

Начиная с середины XX века – еще до открытия II Ватиканского собора – в католическом богословии возникает специфическая риторика о несоответствии современного священства новозаветным основаниям. Начавшись в статьях известных католических богословов [2], в начале 1970-х гг. данная риторика находит отражение в университетских учебниках и лексиконах, став фактически общепринятой вплоть до наших дней. Особенно это актуально для немецкой языковой среды, богословие которой оказало большое влияние на развитие темы во всем католическом мире. Примечательно, что “новый” взгляд на священство почти всегда предполагает особую интерпретацию истории католического священства, в которой выделяется смена нескольких моделей, а также новая аксиоматика традиционных нормативных текстов о священстве.

Говоря о «священстве», я буду иметь в виду немецкое «Priestertum», которое содержательно объединяет в себе 3 основных значения:

1) *clerus* как совокупность священников Термин «клир»: в Деян 1, 26; 1, 17 то κληρος – «жребий» (например, при призвании ап. Матфия на место Иуды), удел служения, предназначенный человеку;

2) *ordo* как священнический чин, особая группа в церковной иерархии;

3) *sacerdotium* как благодать священства.

Под «моделью» я буду подразумевать некий условный образец, на основании которого могут выстраиваться жизнь и служение священника. Второй Ватиканский собор не предложил такой образец, поэтому в риторике современных работ до сих пор идет его активный поиск в истории христианства.

Таких «моделей» можно выделить 4:

- 1) «Новозаветная» («христианская»)
- 2) «Имперская» («административная»)
- 3) «Традиционная» («тридентская»)
- 4) «Современная».

Названия весьма условны. Первая модель описывает исконное пресвитерство, установленное апостолами в первохристианских общинах.

Вторая связывается с легализацией Христианства в эпоху Константина Великого. Третья – с попыткой отстоять сакраментальное священство перед лицом Реформации. Четвертая отражает реформы Второго Ватиканского собора и предлагает образ священника, который наиболее легко вписывается в современные условия жизни.

I. «Новозаветная» («христианская») модель

Несмотря на то, что общим местом в современной дискуссии стало несоответствие традиционного священства новозаветным основаниям, «новозаветная» модель допускает максимальное число интерпретаций. Почти всегда она представляется как некий далекий и несправедливо забытый идеал, к которому необходимо вернуться. Хронологически она просуществовала только в течение апостольского века, после чего постепенно начала терять значение. В данной модели священство не подразумевает посредничества и не связывается с Жертвой: Христос есть единственный Первосвященник и Посредник между Богом и всеми людьми. Он окончательно исполнил эту посредническую миссию Своей жертвенной смертью, после чего все верующие получают равный доступ к благодати (Рим. 5, 2; 6, 1–11; Еф. 2, 18; 3, 12; Евр. 10, 22) и могут непосредственно общаться с Богом. В связи с этим само понятие «священник» становится не актуальным в христианских общинах и заменяется словом «пресвитер». В новозаветной общине не предполагается подчинения одних должностей другим, а также не проясняется специфика именно священнического служения [9, 434]. Дидахе, в котором содержатся предпосылки богословия христианского священства, не знает сформированной иерархии, а высшей инстанцией в общине является сама община. Проповедь обусловлена не служебным положением, а харизматическими свойствами верующих. Правом учительства миряне обладают наравне со священниками (первые великие богословы были в основном мирянами: Иустин, Тертуллиан, Пантен, Климент Александрийский, Ориген). Также «новозаветная» модель священства не подразумевает разделения между религиозно-богословской культурой, резервируемой за клиром, и профанной культурой мирян [7, 96–104; 12, 26–31; 20, 18–25, 107; 21, 272–287; 2, 340–368].

II. «Имперская» («Административная») модель

Смена модели происходила в течение II – IV вв. Уже во II в. многообразие новозаветных харизматических служений было сведено к иерархии, выстроенной по ветхозаветному образцу [10, 540]. Это называют «реставрацией и радикализацией ветхозаветных представлений» [21, 287–288] о религиозных служителях. В первую очередь – перенос наименования «первосвященник» на епископа. Слова об аароновом священстве «Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи» (Евр 5, 1) – переносятся на новозаветных священников. В народном сознании это связывалось с представлением о власти (*potestas*), понимаемом магически. Вместо термина «пресвитер» распространение получает наименование «священник», который начинает восприниматься преимущественно как посредник (репрезентант первосвященнического действия Христа), и его управленческие задачи все больше начинают

определяться предстоянием на Евхаристии. Возникновение «мистики репрезентации» [3, 794], «*Alter Christus*» и «*In Persona Christi*» (ключевое значение имело неверное толкование «Кто слушает вас – Меня слушает» (Лк 10, 16). Реформы Константина Великого («Константиновский переворот») [21, 288] привели к возникновению священнических должностей как «*ordines*» – «чинов»: духовенство включается в административную структуру империй. Христианский клир превращается в нечто похожее на позднеримский магистрат, как чин, противоположный плебсу со своей одеждой и должностными привилегиями, а с развалом западной империи воспринимает и чисто политическую ответственность. В данной модели священник становится «хранителем запретов, ревнителем нравов и порядков, незаменимым украшением гражданских церемоний» [9, 436]. На всех уровнях это вело к смешению духовных и светских интересов и к установлению «чисто формальных чинов и авторитетов, которые противоречат тому, о чем говорил Христос» [9, 435]. Восприятие священства колеблется между светской должностью в Римской Империи (*ordo*) и аскетической, мистической традицией монашества (тоже называемого «*ordo*»). Это привело к формированию самодостаточного состояния по модели «монах-епископ» (или, иначе, «епископ-аристократ» (Василий Великий на Востоке и блаженный Августин на Западе, которых нельзя назвать просто лидерами общин). Другим следствием этого процесса называют также возникновение темы предпочтительного безбрачия для духовенства (при папе Сириции, в IV в.). Затем Августин как «спикер административной традиции» [21, 288] провозглашает, что харизма подчинена должности, заменена церковно-административным служением еще в момент Пятидесятницы (De Unit. Eccl. 19; De Catech. Rud. 6; Serm. 187) [7, 105–130; 13, 30; 20 104–105; 21, 287–290].

III. «Традиционная» («тридентская») модель

По мнению многих современных авторов, эта модель определяет образ католического священника вплоть до наших дней. Она сформировалась в условиях противодействия Реформации и выявляется по документам Тридентского собора: XXIII сессия, посвященная непосредственно таинству священства (*Ordo*), относящиеся к священству каноны VII сессии (общее учение о таинствах) и XXII сессии (о бескровной жертве). Заключает в себе 6 ключевых положений:

1) Новозаветное священство – это «жертвенное священство», Священство и жертва неразрывно связаны. Это внешнее, видимое священство, которое основывается на полномочиях приносить бескровную жертву и отпускать или удерживать грехи. Тридентский собор определяет: Евхаристическая Жертва – это не повторение ее, но «*re-praesentatio*», «*memoria*» и «*applicatio*» Жертвы Христа (DS 1739). Тем не менее, основание христианского священство видели в словах Христа «сие творите в Мое воспоминание» и целиком связывали его с жертвой.

2) Священство и посвящение зиждутся на сакраментальном установлении Иисусом Христом. Подчеркивается сакраментальный характер рукоположения и дарование через него благодати, причем акцент делается на действительности, а не на действенности. Такой акцент подразумевали все схоластические суммы, однако именно Тридентский собор дал осно-

вания для иерархической пирамиды, основанной исключительно на священстве (на вершине этой пирамиды папа как викарий Христа на земле).

3) Таинство священства сообщает сакраментальный характер. Его невозможно утратить. Тот, кто однажды стал священником, уже никогда не сможет стать мирянином. Когда говорят о сакраментальном характере, чаще всего ссылаются на Августина, который говорит о том, что крещение и конфирмация сообщают человеку неизгладимую печать (О граде Божием, 20, 10; 2 Кор. 1, 22; Еф 1, 13).

4) В Церкви существует иерархия, устроенная по божественному установлению и состоящая из епископов, пресвитеров и служителей (*ministri*). Тридент продолжает это средневековое понимание церкви и мира и, в отличие от Псевдодионисия, переосмысляет ее в соответствии римскому правовому мышлению, где *ordo* подразумевает «сословие» или руководящих лиц, противоположных народу – этот смысл вкладывается в понятие «иерархия». Иерархия начинает относиться к неизменяемой, божественной стороне Церкви, а те, кто относится к иерархии, входит в область сакрального.

5) Рукоположение сообщает благодать. 4 канон о Священстве гласит: «анафема тому, кто говорит, что в священном рукоположении не передается Святой Дух».

6) Отказ от брака ради спасения дает особую благодать, а потому более желателен. Собор признавал, что брак был дан Богом человеку как снисхождение к его слабой природе, так что тот, кто не воспользуется этим средством, более благочестив.

Определяющее влияние на образ священника декреты Тридента оказали предписанием создавать епархиальные семинарии: священник все более походил на члена ордена, видящего свое призвание исключительно в литургическом служении и ориентирующий себя на монашескую духовность. Изданный в 1566 году «Римский катехизис» как никакой другой документ показывает, какое развитие получили Тридентские определения («Поскольку епископы и священники походят на переводчиков и посланников, которые во имя Его просвещают людей божественными законами и предписаниями, замещая Самого Бога на земле, ... их оправданно называют не ангелами, а богами, ибо они представляют собою Божию силу и владычество»). Мощное влияние Тридентинского катехизиса с его представлениями о священнике можно почувствовать в папских посланиях вплоть до наших дней (см. Увещающее слово Пия X «*Haerent animo*» к католическому клиру от 4.8.1908 г.; Энциклика «*Ad catholici sacerdotii*» Пия XI от 20.12.1935, и Апостольское увещание «*Menti Nostrae*» Пия XII. о поддержке святости священнической жизни от 23.9.1950 г.). Эти тексты были написаны в разные времена и по разным поводам, тем не менее, в них наблюдается общий ход мыслей, отражающими «тридентскую» модель [12, 44–47; 22, 10–49; 20, 104–105; 21, 290–293].

IV. «Современная» модель

Строго говоря, наличие особой «современной» модели католического священства признается далеко не всеми: многие уверены, что на Втором Ватиканском соборе Католическая Церковь не сумела предложить новую модель, адекватную современной ситуации. В начале 60-х гг. дискуссии

на эту тему только начинались, а соборные определения отражают, как правило, именно актуальное состояние внутрицерковной дискуссии. Более того, учение о полноте священства епископов, в котором лишь участвуют священники, дополнительно усугубило ситуацию. Собор внес лишь первые коррективы в тридентское учение. В первую очередь, был поставлен новый акцент на том, что священник не получает власть совершать таинства, а исполняет всеобщий призыв Христа к спасению. В частности, это значит, что служение Слову выдвигается на первое место. Задачи священника начинают распространяться на социальные и социально-интегративные сферы. Монашеские черты в священнической духовности отодвигаются на второй план, уступая место духовности братского единства и общности (*communio*) с остальными священниками и ближними. Эти предпосылки были по-разному развиты в дальнейшем, однако многие считают, что все эти попытки недостаточно отходят от «традиционной» модели и делают мало практических выводов. В любом случае, можно утверждать, что формирование «современной» модели священства еще не завершено [9, 445–448; 21, 293–300; 8; 15; 19; 20].

Заключение

Каждая «модель» священства, которую мы находим в современных работах, имеет в своем основании специфическую интерпретацию веры и Церкви, особый взгляд не только на священника, но и на историю Церкви, на ее современное состояние, на церковно-государственные отношения и т.д. В конце концов, логика современного дискурса о священстве подразумевает, что представители каждой «модели» существуют в католической церкви и поныне. Сама классификация «моделей священства» строится на попытке современных исследователей преодолеть существующий в католической церкви ролевой кризис священства с помощью уточнения современного образа священника, способного стать убедительным в современном мире – иными словами, путем отказа от одних «моделей» и продвижения других. Каждая из моделей выделяется не просто так (не отражает объективную историческую реальность), а с целью заявить некое отношение к реальности. В рассматриваемой риторике каждая модель занимает свое специфическое место и рассматривается либо со знаком «+», либо со знаком «-». Показательны слова Л. Циркера о модели священства, которая могла бы быть предпочтительной в современной ситуации: «Будущий образ священника нельзя вывести априори из Писания, Традиции или из чего-либо еще, хотя он имеет специфические черты, которые исходят из сущности Церкви. Образ священника должен быть создан, исходя из жизненного и религиозного опыта всего церковного общества» [22, 43–44].

Литература

1. Arens, A. *Pastorale Bildung: Erfahrungen und Impulse für Ausbildung und Fortbildung für den kirchlichen Dienst* / Arens, A. Trier: Paulinus-Verlag, 1976.
2. Balthasar, H.U. *Priester des neuen Bundes* / H.U. Balthasar // *Pneuma und Institution: Skizzen zur Theologie IV*. Johannes Verlag: Einsiedeln, 1974. S. 340–368.

3. Balthasar, H.U. Über das priesterliche Amt / H.U. Balthasar // Civitas 1968, 23. S. 794–797.
4. Baumgartner, K. Der Wandel des Priesterbildes zwischen dem Konzil von Trient und dem II. Vatikanischen Konzil / K. Baumgartner. München, 1978. S. 8–13.
5. Blank, J. Kirchliches Amt und Priesterbegriff / J. Blank // F. Henrich, Hrsg. Weltpriester nach dem Konzil. München, 1969.
6. Catechismus ex Decretis Concilii Tridentini ad parochos. Regensburg, 1896.
7. Grasmück, E.L. Vom Presbyter zum Priester: Etappen der Entwicklung des neuzeitlichen katholischen Priesterbildes / E.L. Grasmück // Hoffmann P., Hrsg. Priesterkirche. 2 Aufl. Düsseldorf: Patmos Verlag, 1989.
8. Greschake, G. Priester sein in dieser Zeit: Theologie – Pastorale Praxis – Spiritualität / G. Greschake. Freiburg i. B.; Basel; Wien: Herder, 2000.
9. Handbuch der Pastoraltheologie: Praktische Theologie der Kirche in ihrer Gegenwart / F.X. Arnold [u.A.], Hrsg. Bd. IV. Freiburg/Basel/Wien: Herder, 1969.
10. Hanson, R.P.C. Amt / Ämter / Amtsverständnis. v. Alte Kirche / R.P.C. Hanson // Theologische Realenzyklopädie. Teilband 2 (1978). S. 533–552.
11. Hernoga, J. Priestertum: Zur Nachkonziliaren Amtstheologie Im Deutschen Sprachraum / J. Hernoga. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997.
12. Karrer, L. Aufbruch der Christen: Das Ende der klerikalen Kirche / L. Karrer. München: Kösel, 1989.
13. Karrer, L. Die Stunde der Laien: von der Würde eines namenlosen Standes / L. Karrer. Freiburg im Breisgau; Basel; Wien: Herder, 1999.
14. Kasper, W. Neue Akzente im dogmatischen Verständnis des Priesterlichen Dienstes / W. Kasper // Concilium 5 (1969). S. 164–170.
15. Kasper, W. Sein und Sendung des Priesters. Gedanken über die Zukunft des priesterlichen Dienstes / Kasper W. Zukunft aus dem Glauben. Mainz, 1978. S. 85–112.
16. Klerikalismus heute? / H. Jedin, F.X. Arnold, E. Wilkens, K. Forster // Studien und Berichte der Katholischen Akademie in Bayern. Heft 26. Echter-Verlag: Würzburg, 1964.
17. Klostermann, F. Lexikon der Pastoraltheologie / F. Klostermann, K. Rahner, H. Schild. Freiburg im Breisgau, 1972.
18. Lehmann, K. Das Priesterliche Amt im priesterlichen Volk / K. Lehmann // Gemeinde des Herrn. № 83. Deutscher Katholikentag: Trier, 1970.
19. Neuner, P., Zulehner, P.M. Dein Reich komme. Eine praktische Lehre von der Kirche / P. Neuner, P.M. Zulehner. Ostfildern: Matthias Grünewald Verlag, 2013.
20. Schillebeeckx, E. Das kirchliche Amt / E. Schillebeeckx. Düsseldorf: Patmos Verlag, 1981.
21. Snela, B., Blank, J. Priester/Bischof / B. Snela, J. Blank // P. Eicher, Hrsg. Neues Handbuch Theologischer Grundbegriffe. Erweiterte Neuausgabe in 5 Bänden. Band 4. Kosel-Verlag: München, 1991. S. 269–300.
22. Zirker, L. Leben im Dialog. Perspektiven für ein zeitgemäßes Priesterbild / L. Zirker. Mainz, 1976.